

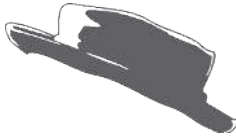
ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. НАРОДНЫЙ КЛОУН ЮРИЙ НИКУЛИН

Токмаков переулок рядом с Разгуляем	7
От Финской до Великой Отечественной	12
Несостоявшийся жених	16
Несостоявшийся актер	17
Азы клоунады	19
Неудачная проба	26
Жена по имени Татьяна	30
На манеже и в жизни	32
Ревнивый муж	34
На пути к славе	36
Первая встреча с Гайдаем («Пес Барбос»)	45
Как рождаются репризы	50
Вторая встреча с Гайдаем («Самогонщики»)	53
Первая серьезная роль	54
Несостоявшийся Тушин	62
«Сниматься не будешь!»	65
«Не трогай Никулина!»	66
Третья встреча с Гайдаем («Деловые люди»)	67
Вор учит клоуна... воровать	69
В роли милиционера («Ко мне, Мухтар!»)	71
Смерть отца	78
«Ко мне, Мухтар!» — продолжение	80
«ВиНиМор» и «Дайте жалобную книгу»	102
В роли монаха («Андрей Рублев»)	102

Никулин в роли автолюбителя	105
Четвертая встреча с Гайдаем («Операция “Ы”»)	107
История с сыном	116
Пятая встреча с Гайдаем («Кавказская пленница»)	116
Клоун и японский мальчик («Маленький беглец»)	128
Как проститутки снимают клиентов	131
Шестая встреча с Гайдаем («Бриллиантовая рука»)	131
Последняя роль «ВиНиМор» («Семь стариков и одна девушка»)	149
Последняя встреча с Гайдаем («12 стульев»)	151
Новая встреча с Рязановым («Старики-разбойники»)	153
Старый цирк — лучше всех!	159
В роли палочки-выручалочки	160
Из коммуналки в отдельную квартиру	162
Анекдоты от Никулина	164
«Теперь усритесь!»	166
Новая встреча с Бондарчуком («Они сражались за Родину»)	167
Встреча с Германом («20 дней без войны»)	180
Послал на КГБ	194
Никулин и Шуйдин: лед и пламень	196
Встреча с «неистовым Роланом» («Чучело»)	198
Тревоги и радости	207
Виолетта — злой гений цирка	208
Никулин и слон	210
У трона короля	210
Сердце клоуна	212
Часть вторая. КЛОУНЫ ПО-СОВЕТСКИ	218

Часть первая

НАРОДНЫЙ КЛОУН ЮРИЙ НИКУЛИН

Токмаков переулоч рядом с Разгуляем

Юрий Никулин родился 18 декабря 1921 года в Демидове, бывшем Поречье, Смоленской губернии. О своих родителях он вспоминал следующее:

«...Детство свое отец (Владимир Андреевич родился в 1898 году. — Ф.Р.) провел в Москве. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет университета, где закончил три курса. После революции его призвали в армию. В 1918 году он учился на курсах Политпросвета, на которых готовили учителей для Красной армии. После окончания курсов отец просил послать его в Смоленск — поближе к родным, — мать и сестра отца учительствовали в деревне недалеко от Демидова. Перед самой демобилизацией он познакомился с моей матерью (Лидия Ивановна родилась в 1902 году. — Ф.Р.). Они поженились, и отец остался в Демидове, поступив актером в местный драматический театр. В этом же театре служила и мама — актрисой. Отец организовал передвижной театр “Теревьюм” — Театр революционного юмора. Он писал обозрения, много ставил и много играл сам...».

В 1925 году семья Никулиных переехала в Москву — в дом № 15 по Токмакову переулочу (рядом с Разгуляем). Я хорошо знаю эти места, поскольку в детстве жил по соседству — на ули-

це Казакова (две минуты пешком до Токмакова переулка). Правда, к тому времени, когда наша семья там поселилась, семейство Никулиных уже успело переехать, поскольку их дом снесли, а на его месте построили панельную девятиэтажку. Но рассказы о том, что здесь когда-то жил великий клоун, продолжали курсировать.

В столице отец Юрия занимался литературным трудом: писал интермедии, концераны и репризы для эстрады, цирка, позднее устроился работать в газеты «Известия» и «Гудок». Мать нигде не работала и в основном занималась домашним хозяйством и воспитанием сына. Два раза в неделю Никулины посещали театр, а возвращаясь домой, горячо обсуждали пьесу, игру актеров. Таким образом, наш герой уже с детских лет оказался в центре театральной жизни столицы.

В 1929 году Никулин-младший отправился в первый класс средней школы № 16 (позднее ей дали № 349), которая считалась образцовой. Учился он средне, и однажды школьный педолог (эти люди тестировали детей и определяли их умственные способности) вынес заключение, что у Никулина очень ограниченные способности. Это заключение возмутило отца мальчика, он отправился в школу и доказал, что его сын вполне нормальный ребенок с хорошими задатками.

Владимир Андреевич Никулин вел в той же школе драматический кружок, в котором, естественно, участвовал и его сын Юрий. Они ставили отрывки из самых различных пьес, начиная от детских и заканчивая классикой. Например, в отрывках из «Детства» М. Горького Никулин играл самого автора — Пешкова.

В те годы в образцовых школах существовала такая практика, когда на встречи с учащимися приходили известные общественные деятели страны, работники литературы и искусства. Нашему герою запомнились две такие встречи: с писателями Аркадием Гайдаром и Львом Кассилем. Случились они, когда он

Юра Никулин в школе

С друзьями и граммофоном. 1930-е годы

учился в шестом классе. Тогда Юрий отличился тем, что написал лучший рассказ и получил за него второе место на районном конкурсе. Поэтому Гайдару его представили, как «начинающего писателя». Гайдар пожал ему руку и пригласил во Дворец пионеров, где обычно встречался с ребятами, которые пробовали себя в литературе. Однако внезапно свалившаяся на героя нашего рассказа ангина не позволила ему прийти на эту встречу.

Примерно класса с четвертого Никулин, по примеру своего отца, сильно увлекся футболом. Правда, вместо того, чтобы болеть за отцовский «Спартак», он отдал предпочтение его вечному конкуренту — московскому «Динамо». Бывало, их мнения расходились так сильно, что они весь день спорили до хрипоты, чья команда лучше и сильнее. В таких случаях матери с трудом удавалось их утихомирить.

В их квартире был специальный футбольный уголок: на стене висели таблица футбольного первенства страны и фотографии любимых игроков. Смотрителем этого уголка был Никулин-младший, который педантично отмечал все результаты прошедших матчей.

Читая сегодня мемуары Юрия Владимировича, я невольно ловлю себя на мысли, что у нас с ним были одни маршруты. Например, в булочную я с родителями ходил на тот же Разгуляй, куда когда-то регулярно заезжал и наш великий клоун. Вот его собственный рассказ об этом:

«...Иногда приезжаю на Разгуляй просто посмотреть на родные места. И я вспоминаю, как много лет назад вот так же шел снег и мы с отцом (он держал меня за руку) шли по заснеженной улице в традиционный поход на Разгуляй купить что-нибудь к вечернему чаю.

Перед выходом из дому отец всегда спрашивал у матери, что купить. Мама говорила:

— Триста граммов горчичного хлеба, маленькую калорийную булочку, хорошо бы сто граммов масла, сто граммов колбаски. Ну и конфеток, если деньги останутся.

Мы с отцом одевались и шли по своему обычному маршруту. Сначала заходили в булочную. Всегда покупали у одной и той же продавщицы. Каждой из продавщиц придумали имя. Тихонькую черненькую юркую продавщицу в булочной мы прозвали Мышкой, а толстого, заросшего щетиной мясника — Карabasом.

Когда я возвращался из булочной, отец спрашивал:

— Ты у Мышки покупал?

— У Мышки, — отвечал я.

И мы улыбались...».

В 1937 году Юрия перевели учиться в другую школу, № 346, которая стояла напротив его дома (она и сейчас стоит на том же месте и хорошо мне знакома, поскольку я учился в пяти минутах от нее — в школе № 325). Почему это произошло? Юрий Никулин рассказывает об этом так:

«...До седьмого класса я учился в образцовой школе. А потом два седьмых класса решили соединить в один восьмой — часть ребят поступала в спецшколы, в техникумы, другие пошли работать, а на два восьмых класса не хватало учеников. В восьмой класс отбирали лучших по учебе и поведению. Я в этот список не попал. Как потом узнал, на педсовете долго обсуждали мою кандидатуру, решая вопрос, оставлять меня в школе или нет. С одной стороны, хотели оставить, потому что отец много делал для школы, но с другой — учился я средне, на уроках часто получал замечания (Отмечу, что даже в комсомол нашего героя тогда так и не приняли. — Ф.Р.).

Решение педсовета меня устраивало — появилась возможность перейти в школу-новостройку рядом с домом. В ней учились ребята из нашего двора. Теперь я, как и все, мог перелезть через забор, сокращая путь от дома к школе...».

Первая любовь пришла к нашему герою в шестом классе. Это была девочка из его же школы, небольшого роста, худенькая, со светлыми, аккуратно подстриженными волосами. По

счастью, она дружила с девочкой из его дома, поэтому наш герой мог видеть ее почти каждый день. Правда, она не догадывалась о его чувствах к ней.

Юрий Никулин вспоминает:

«...Разговаривала она со мной так же, как и со всеми остальными ребятами из нашего класса. Я все чаще стал разглядывать себя в отцовское зеркало и страшно переживал, что голова у меня какая-то продолговатая, дынькой, как говорила мама, а нос слишком большой. Таким я казался себе в тринадцать лет...

Когда я перешел в другую школу, мы перестали с ней видеться, но каждый день я вспоминал ее. Со всевозможными хитростями узнал у одной из девочек ее домашний номер телефона и один раз позвонил. Но, услышав резкий голос ее отца, бросил трубку на рычаг.

В новой школе из девочек никто не нравился, хотя в этом классе любовь у нас процветала вовсю. А три пары из нашего класса сразу по окончании школы поженились...».

От Финской до Великой Отечественной

Летом 1939 года Никулин закончил десять классов, однако аттестата зрелости не получил — он не смог сдать вовремя чертежи по черчению. Поэтому когда после выпускного вечера всех десятиклассников поздравляли с окончанием школы, Юрия никто не поздравил. И пришлось ему целый месяц корпеть над злосчастными чертежами, в то время как все его сверстники беззаботно отдыхали. Но чертежи он все-таки сдал и аттестат на руки получил. Затем почти четыре месяца беззаботно отдыхал, так как знал, что осенью его без всякой отсрочки призовут на воинскую службу. Так оно и получилось. 18 ноября

1939 года, в соответствии со сталинским указом о всеобщей воинской обязанности, Никулина призвали в армию.

Служил он в войсках зенитной артиллерии под Ленинградом. Вот как будущий артист вспоминал о тех днях:

«...Ко мне поначалу некоторые относились с иронией. Больше всего доставалось во время строевой подготовки. Когда я маршировал отдельно, все со смеху покатывались. На моей нескладной фигуре шинель висела нелепо, сапоги смешно болтались на тонких ногах. Когда первый раз пошли всей батареей в баню, я разделся и все начали хохотать. Я всегда знал, что некрасивый. Глиста в обмороке. Худой, длинный и сутулый. Но я нисколько не обижался. Про себя я злился, но в то же время смеялся вместе со всеми. Что меня и спасало от дальнейших насмешек...»

О жизни родных я знал все до подробностей. Письма получал больше всех на батарее. Многие мне завидовали. Писали мне отец с матерью, тетки, друзья и даже соседи...».

В декабре 1939 года грянула война с Финляндией. Наш герой, как и многие его сослуживцы, написал заявление: «Хочу идти в бой комсомольцем». Однако участвовать в боевых действиях зенитной батареи Никулина так и не довелось. Они находились под Сестрорецком, охраняя воздушные подступы к Ленинграду, а почти рядом с ними шли тяжелые бои по прорыву обороны финнов — линии Маннергейма. Именно в то время наш герой сильно обморозил себе ноги — когда тянул линию связи от батареи до наблюдательного пункта. 12 марта 1940 года война с Финляндией закончилась.

Одним из увлечений Никулина еще со школьных времен было коллекционирование анекдотов (собирать он их начал с 1936 года). К началу армейской службы в его обширной коллекции было уже около 600 анекдотов на самые различные темы. И в армии с ним произошел такой случай. Некий старослужащий Гусаров поспорил с ним на десять пачек папирос «Звездоч-

ка», кто больше из них знает анекдотов. Условия спора были такими: один начинает и если другой этот анекдот знает, то надо начинать другой. Начал Гусаров. Однако Юрий принялся прерывать его после каждого анекдота: знаю, знаю... Гусаров не выдержал и отдал право рассказа сопернику. И Никулина понесло. В течение двух часов (!) он рассказывал анекдоты, и ни один из них Гусарову не был известен. Так продолжалось до четырех утра, причем к этому времени Никулин не дошел и до половины своей коллекции. Все, наблюдавшие за этой дуэлью, уже устали смеяться и стали постепенно, один за другим, засыпать. Наконец не выдержал и сам Гусаров. «Ладно, кончай травить, я проиграл», — заявил он и обессиленный свалился на кровать.

На втором году службы Никулин заболел плевритом, и его, после лечения в госпитале, на время перевели с батареи санитаром в санчасть. Там он пробыл около года, после чего вновь вернулся в родную батарею. А в апреле 1941 года стал готовиться к демобилизации. Но попасть домой ему тогда было не суждено: 22 июня 1941 года началась война.

Юрий Никулин рассказывает:

«...Я тогда служил под Репином. С утра 22 июня мы с моим приятелем Боруновым получили свои солдатские 10 рубликов, взяли бидончик и пошли за пивком. Помню, оно стоило что-то около 2 рублей. Идем себе спокойно, как вдруг женщины прямо накинулись на нас. Обступили и давай расспрашивать: “Солдатики, а это правда, что война началась, правда, что немцы на нас напали?” И тут в 12 часов — выступление Молотова по радио, все вопросы сами по себе отпали. Какое тут к черту пиво, мы ноги в руки — и бегом на батарею. В первый же день мы из своих 85-миллиметровых орудий открыли по немецким самолетам огонь. Эти гады закидывали Финский залив глубинными минами. Мы тогда ни одного не сбили, а вот наши соседи один самолет все-таки завалили...».

До весны 1943 года Никулин воевал в составе зенитной батареи под Ленинградом. Дослужился до звания старшего сержанта. Затем он заболел воспалением легких и попал в госпиталь в Ленинграде. Пролежал там две недели, после чего был определен в 71-й отдельный дивизион, который стоял под Колпином. Однако в новую часть наш герой так и не прибыл. В тыловых частях, примерно в 10 километрах от дивизиона, его контузило взрывом снаряда. И вновь — госпиталь, лечение. После выздоровления его отправили в 72-й отдельный зенитный дивизион все под тем же Колпином.

Юрий Никулин вспоминает:

«...Не могу сказать, что я отношусь к храбрым людям. Нет, мне бывало страшно. Все дело в том, как этот страх проявляется. С одними случались истерики — они плакали, кричали, убегали. Другие переносили внешне спокойно...

Но первого убитого при мне человека невозможно забыть. Мы сидели на огневой позиции и ели из котелков. Вдруг рядом с нашим орудием разорвался снаряд, и заряжающему осколком срезало голову. Сидит человек с ложкой в руках, пар идет из котелка, а верхняя часть головы срезана, как бритвой, начисто...

Каждый раз, когда на моих глазах гибли товарищи, я всегда говорил себе: “Ведь это же мог быть и я”.

Служил у нас чудесный парень, Герник. Как-то ночью над нашей позицией пролетел самолет и сбросил небольшую бомбу примерно в сорока-пятидесяти метрах от того места, где спал Герник. Бомба взорвалась, и крошечный осколок пробил ему голову, угодив прямо в висок. Так во сне Герник и умер. Утром будим его, а он не встает. Тогда и заметили маленькую дырочку. Положи он голову на несколько сантиметров правее — остался бы жив.

А смерть командира орудия Володи Андреева... Какой был великолепный парень! Песни пел замечательные. Стихи хорошие писал и как нелепо погиб. Двое суток мы не спали. Днем

отбивались от эскадрилий “юнкеров”, которые бомбили наши войска, а ночью меняли позиции. Во время одного переезда Володя сел на пушку, заснул и во сне упал с пушки. Никто не заметил, пушка переехала Володю. Он успел перед смертью только произнести: “Маме скажите...”».

Победу Никулин встретил в Прибалтике. Однако домой он попал не скоро. Демобилизацию проводили в несколько этапов, и до нашего героя очередь дошла только через год после окончания войны. Он уволился из армии 18 мая 1946 года. Самое интересное, что когда он прямо с Рижского вокзала позвонил домой, то взявший трубку отец предложил ему... встретиться на стадионе. В тот день футбольный «Спартак» играл очередной матч с «Динамо».

Несостоявшийся жених

Вернувшись на гражданку, Никулин едва не женился. У него была любимая девушка Рита, которая дождалась его с фронта и, кажется, неплохо к нему относилась. Они встречались почти каждый день, и он уже, на правах родственника, вошел в ее дом. Единственное, что удерживало нашего героя от решительного шага, это — отсутствие жилья. Однако его дядя, узнав об этой проблеме, разрешил ему вселиться в одну из своих пустующих комнат. После этого уже ничто не удерживало Никулина от того, чтобы сделать любимой девушке предложение руки и сердца. Но...

Юрий Никулин вспоминает:

«...В тот вечер, когда я попросил ее руки, она сказала:

— Приходи завтра, я тебе все скажу.

На следующий день, когда мы встретились на бульваре, она, глядя в землю, сообщила, что меня любит, но по-дружески, а через неделю выходит замуж. Он летчик, и дружит она с ним

еще с войны, просто раньше не говорила. Поцеловала меня в лоб и добавила:

— Но мы останемся друзьями...

Вот так и закончилась моя первая любовь. Переживал я, конечно, очень. Ночью долго бродил один по Москве. Мама с папой утешали...».

Стоит отметить, что прожила та девушка с летчиком недолго: он ее бросил. Что касается дружеских отношений с Никулиным, то они продолжались до самой смерти: наш герой поздравлял ее с 8 Марта, она обычно звонила на Новый год.

Несостоявшийся актер

Вернувшись из армии, Никулин был преисполнен уверенности, что с его способностями его возьмут в любое творческое заведение Москвы. Ведь в армии он активно участвовал в художественной самодеятельности, и его однополчане были просто в восторге от его комического таланта. Поэтому летом 1946 года Никулин отправился во ВГИК. Однако, пройдя два тура, с третьего тура он был внезапно снят экзаменационной комиссией, которую возглавлял известный кинорежиссер Сергей Юткевич. Ему заявили следующее:

«В вас, конечно, что-то есть, но для кино вы не годитесь. Не тот у вас профиль, который нам нужен. Скажем вам прямо: вас вряд ли будут снимать в кино. Это мнение всей комиссии. Если вы действительно любите искусство, то советуем вам пойти в театральный институт...».

Никулин внял последнему совету и в те же дни подал документы сразу в два театральных заведения: ГИТИС и училище им. Щепкина при Малом театре. Однако и в них его не взяли. Тогда он попробовал было сунуться во вспомогательный состав театра МГСПС, но не прошел конкурс и туда. То же самое с ним

произошло и в ряде других творческих училищ и студий. Отчаянию нашего героя не было предела. Ему казалось, что само небо прогневалось на него. И тогда ему помог случай...

Еще когда он проходил отбор в ГИТИСе, его заметил тогда еще никому не известный Анатолий Эфрос (будущий знаменитый театральный режиссер), который в то время заканчивал режиссерский факультет института. Узнав, что Никулин в институт не поступил, он посоветовал ему идти в студию при Ногинском театре, которым руководил режиссер Константин Воинов. Этот совет и вспомнил Никулин после череды поражений, обрушившихся на него. Студия находилась в Москве, и он решил рискнуть. И ему повезло — его приняли.

Однако учиться в студии Юрию пришлось недолго. В сентябре того же года его поманил к себе цирк. О том, как это произошло, герой нашего рассказа вспоминал так:

«...Обычно мы с отцом покупали газету “Вечерняя Москва” в киоске на Елоховской площади. Где-то в середине сентября 1946 года мы купили газету и на четвертой странице прочли объявление о наборе в студию клоунады при Московском ордена Ленина государственном цирке на Цветном бульваре. Возникла идея: а что, если попробовать?»

На семейном совете долго обсуждали: стоит или не стоит поступать в студию?

Мама склонялась к театру, считая, что рано или поздно, но мне повезет.

— Все-таки театр благороднее, — говорила она.

Отец придерживался другого мнения.

— Пусть Юра рискнет, — настаивал он. — В цирке экспериментировать можно. Работы — непочатый край. Если он найдет себя — выдвинется. А в театре? Там слишком много традиций, все известно, полная зависимость от режиссера. В цирке многое определяет сам артист.

И я решил поступать в студию цирка...».

Азы клоунады

В отличие от ВГИКа, ГИТИСа и прочих творческих вузов, откуда будущего клоуна благополучно завернули после первых же туров, в цирковую студию он поступил без особенных проблем. Из нескольких сот желающих поступить туда высокая комиссия отобрала только 18 человек, и среди этих счастливцев был и наш герой.

За несколько недель до этого экзамена Никулин попытал удачи в студии при Камерном театре. И вот удача — его приняли. Однако на семейном совете, который собрался сразу после его удачного поступления, было окончательно решено — вместо театра выбрать цирк. Путь на манеж для Никулина был теперь открыт.

Отметим, что в ту пору цирку в СССР уделялось первостепенное значение. И это было не случайно. Только что отгремела кровопролитная война, унесшая жизни миллионов советских людей и оставившая трагический след в судьбах выживших. Людям требовалось отвлечься от пережитого ужаса, и лучше, чем в цирке, этого сделать было нельзя. Ведь что такое цирк: это каскад головокружительных номеров в исполнении артистов разных жанров — клоунов, акробатов, иллюзионистов, дрессировщиков и др. Это три часа непрерывного искрометного зрелища. Поэтому советское правительство уделяло цирку повышенное внимание. Несмотря на трудную ситуацию с финансами, из бюджета выделялись большие деньги на развитие циркового искусства. Так, самая большая стипендия среди студентов в те годы была именно у «циркачей» — 500 рублей. Кроме этого, им выдавали талоны на сухой паек.

Из воспоминаний Юрия Никулина:

«...Главное управление цирков Комитета по делам искусств отпустило значительные средства на студию. Стра-